

- ...

Это, должно быть, Сяо Шитоу! В тот момент, когда он увидел его, внезапно нахлынуло странное чувство. Цзян Мяо почувствовал кровную связь, которую он никогда раньше не испытывал. Его сердце немного распухло. Он открыл рот, желая позвать Сяо Шитоу, но его горло словно было забито ватой, из-за чего было трудно говорить.

Во дворе Сяо Шитоу внезапно что-то понял и посмотрел в сторону двери. Когда он увидел человека, стоящего снаружи, его рот слегка приоткрылся, и радость зажглась в его глазах.

- Брат! - крикнул он, бросая метлу и бросаясь к двери. Но когда он добрался до Цзян Мяо, он внезапно остановился, осторожно обойдя его, почти обнюхивая, как щенок. Только убедившись, что человек настоящий, он набросился на Цзян Мяо.

Цзян Мяо присел на корточки, обнял Сяо Шитоу и позвал его дрожащим голосом. После подавляющей радости пришла огромная обида. Хотя Сяо Шитоу не плакал вслух, Цзян Мяо чувствовал, как его тонкое тело дрожит в его объятиях, и он ясно ощущал маленькие плечи, которые даже вздрагивали с каждым вздохом.

По действиям Сяо Шитоу Цзян Мяо ясно почувствовал его привязанность и доверие к нему. Несомненно, в уголке, где другие не могли видеть, первоначальный владелец тайно заботился об этом младшем брате.

Когда эмоции Сяо Шитоу немного успокоились, Цзян Мяо встал, взял Сяо Шитоу за руку и направился ко двору. Когда они собирались войти в дом, Сяо Шитоу заколебался, отказываясь идти вперед. Цзян Мяо не стал его принуждать, позволив ему остаться снаружи, и сделал несколько шагов вперед, чтобы постучать в дверь.

- Тук, тук!

Люди внутри все еще были погружены в теплую атмосферу и, казалось, не осознавали, что происходит снаружи. Только когда в дверь, которая изначально была открыта, постучали, они удивленно подняли головы.

- Дядя Цзян, тетя Цзян, вы кормите ребенка? Позвольте мне посмотреть, что вы едите. О, заварной крем из яиц, соленое мясо, ломтики редьки, довольно роскошно, - Цзян Мяо вошел без разрешения и весело прокомментировал блюда на их столе. На столе было три блюда, три миски, две пары палочек для еды и ложка. Было ясно, что для Сяо Шитоу места не предусмотрено.

- Саньшуй? - Жена Цзян Лао Саня на мгновение была ошеломлена, затем нахмурила брови и спросила: - Почему ты вернулся? Что ты делаешь, приходя в мой дом так поздно ночью? Юцай здесь?

Сяо Шитоу стоял за дверью, его маленькие руки сжимали дверную раму. Он выглядывал внутрь половиной лица, наблюдая за ситуацией. Когда он увидел явный гнев на лице своей матери, он невольно вздрогнул. Услышав, как она громко позвала его, Сяо Шитоу вошел внутрь и тихо позвал: "Мама".

Как только жена Цзян Лао Саня увидела его, она тут же громко выругалась:

- Ты что, мертвый? Незнакомец подходит к двери, а ты молчишь? Даже собака, которую я держу, умеет лаять, а ты, неблагодарный негодяй, просто выпускаешь людей!

Цзян Мяо был в ярости. Вот опять! Он слышал от тетушки Чжоу раньше, что жена Цзян Лао

Саня любит косвенные оскорбления. Он думал, что нужно быть культурным, не вступать в перепалки с другими и говорить правильно при посещении их дома, чтобы по возможности мирно решить вопросы. Но теперь, услышав, как она злобно ругает Сяо Шитоу из первых рук, он больше не мог этого выносить. Цзян Мяо притянул Сяо Шитоу к себе и прикрыл ему уши рукой.

- Что это такое, тетя Цзян? Посторонние? Кто здесь посторонний? Я очень хорошо помню, что когда дядя Цзян Сань хотел усыновить моего брата, он обещал не мешать нам, братьям, признавать друг друга! Теперь, когда у вас появился свой ребенок, вы забыли, как умоляли мою бабушку тогда? - он посмотрел на Цзян Лао Саня, который не проронил ни слова с тех пор, как вошел, и вопрос в его глазах был очень очевиден.

Цзян Лао Сань неловко рассмеялся дважды и попытался уладить ситуацию:

- Саньшуй, не принимай слова своей тети всерьез. Она женщина без дурных намерений. Она просто беспокоится, что Юцай не охранял дверь должным образом и впустил каких-то подозрительных людей. Не о тебе речь.

Цзян Мяо, наконец, понял. Эта парочка, одна открыто злобная, а другой улыбающийся, но неискренний, оба были неприятными людьми. Действительно, поговорка "одного поля ягоды" оказалась правдивой!

- Дядя Цзян Сань, это сильно. Вы назвали моего брата Юцай, а не Ванцай. Он что, должен охранять вашу дверь, как собака? Почему бы вам не привязать ребенка к двери?

У Цзян Лао Саня и его жены в среднем возрасте родился сын. Они ценили его больше всего на свете и назвали его "Тяньци", веря, что он дар небес. Теперь, услышав сарказм Цзян Мяо, они не смогли этого вынести.

Лицо Цзян Лао Саня вытянулось, и он принял авторитетный тон старшего:

- Саньшуй, даже если ты хочешь вести себя дико, это не то место. С точки зрения старшинства, я твой дядя и отец Юцая. Ты должен проявить ко мне некоторое уважение! Я притворюсь, что ты просто говорил ерунду, и не буду держать на тебя зла. Тебе лучше пойти домой сейчас!

- Какая ерунда! Я думаю, он просто плохо воспитан! Я говорила тебе не усыновлять эту проклятую звезду. Теперь моего сына ругают из-за этого, действительно, ни одно доброе дело не остается безнаказанным! - сказала жена Цзян Лао Саня, ее лицо было полно злобы.

- Если я правильно помню, вы были теми, кто предложил усыновить Сяо Шитоу, верно? Разве не смешно говорить это сейчас? Воистину, вы едите из миски, но ругаете повара, и все потому, что вы больше не беспокоитесь о том, что о вас некому будет позаботиться в старости?

Пусть вас не вводит в заблуждение обычное веселое поведение Цзян Мяо; он не боится драки. Когда он был ребенком, во дворе было много напористых женщин, и он кое-чему научился, став не менее острым на язык, чем они.

Конечно же, Цзян Лао Сань и его жена были в ярости, тем более, что их неспособность иметь детей в прошлом была запретной темой, которую они никогда не упоминали публично. Теперь Цзян Мяо сорвал их прикрытие, и они были так злы, что хотели проглотить его заживо.

Губы Цзян Лао Саня задрожали:

- Саньшуй, зачем ты вообще пришел? Я не знаю, чем мы с твоей тетей обидели тебя, что ты стал таким грубым!

- Уважение к тем, кто его заслуживает. Для неразумных людей в нем нет необходимости. Раз уж ты спросил, я скажу прямо: я здесь, чтобы забрать Сяо Шитоу.

- Ты имеешь в виду, ты хочешь забрать Юцяя? - жена Цзян Лао Саня, казалось, не поняла.

- Конечно, разве вы не искали кого-нибудь, чтобы усыновить его? Теперь я здесь, чтобы забрать Сяо Шитоу. Разве вы не должны быть счастливы? - сказал Цзян Мяо с усмешкой.

- Какая шутка! Мы растили его все это время, и ты думаешь, что можешь просто забрать его? Есть ли в этом мире такая дешевая вещь? - пронзительный голос жены Цзян Лао Саня раздражал.

- Значит, вы никогда и не собирались искать кого-нибудь, чтобы усыновить Сяо Шитоу. Вы использовали предлог усыновления, чтобы продать его, верно? - глаза Цзян Мяо горели гневом, взбешенный тем, что он догадался об этой возможности.

Цзян Лао Сань почувствовал себя виноватым. Его глаза забегали, не в силах встретиться с взглядом Цзян Мяо.

- Не говори так плохо. Какая продажа? Мы растили Юцяя до этого возраста, и он ни дня не проявлял сыновнего почтения. Что плохого в том, чтобы получить немного денег благодарности при усыновлении?

Цзян Мяо чуть не рассмеялся от злости. Что за человек ожидает сыновнего почтения от шестилетнего ребенка? Это Цзян Лао Сань умолял усыновить Сяо Шитоу, и никто не заставлял

их брать его!

- Позволь мне еще раз напомнить вам, это вы умоляли усыновить Сяо Шитоу. Тогда наша семья была так бедна, что нам нечего было есть, и мы не взяли с вас ни копейки!

- Так ты говоришь, что мы все это время кормили его просто так? - Жене Цзян Лао Саня было все равно; это ее муж хотел усыновить, она тут ни при чем.

- Спроси соседей, какая жизнь была у Сяо Шитоу в вашем доме. Я уверен, все знают. У вас хватает наглости говорить о том, что вы хорошо его кормили? Посмотрите на него, разве так выглядит сытый ребенок? Его лицо такое худое, что его невозможно узнать! - Цзян Мяо поднял лицо Сяо Шитоу, показывая его болезненный цвет лица и острый подбородок, явный признак недоедания. - А теперь посмотрите на ребенка на ваших руках, такого пухлого, что он буквально сочится жиром. И вы смеете говорить, что хорошо относились к Сяо Шитоу?

- ...В любом случае, ты не можешь забрать Юцяя. В худшем случае, мы продолжим растить его и не будем усыновлять, - Цзян Лао Сань, не находя слов, прибегнул к бесстыдству.

- Растить его? Растить его как слугу? - усмехнулся Цзян Мяо.

- Он был усыновлен нами; теперь он наш ребенок. Даже если мы будем относиться к нему как к слуге или домашнему животному, что ты можешь с этим поделать? Ты собираешься донести на нас властям? - жена Цзян Лао Саня, чувствуя триумф, полагала, что нашла слабое место Цзян Мяо. В ее родном городе даже родители, которые забивали своих детей до смерти, не несли ответственности. Для нее дети были собственностью их родителей, с ними обращались так, как им заблагорассудится.

Неожиданно Цзян Мяо проигнорировал ее слова и сказал:

- Конечно, я собираюсь сообщить об этом. Если я правильно помню, Сяо Шитоу еще не зарегистрирован в ваших домовых книгах, верно? Он официально не ваш ребенок, но подвергается жестокому обращению в вашем доме. Как вы думаете, что подумает судья? Разве он не сочтет вас похитителем? Согласно закону Великой Лян, похитителям отрубают головы, а их земли конфискуют!

Он не был уверен, каков на самом деле закон, но это не помешало ему блефовать, чтобы запугать их. Когда он занимался мелким бизнесом в наше время, он имел дело со всевозможными людьми. Запугивание таких людей, как Цзян Лао Сань и его жена, часто срабатывало. Если он достаточно напугает их, они выполняют его требования.

Что касается того, что Сяо Шитоу не был зарегистрирован в их домовой книге, он догадался, основываясь на своем разговоре с тетушкой Чжоу в тот день. Было видно, что семья Цзян Лао Саня чрезвычайно скупа. Регистрация усыновленного ребенка требовала уплаты налога на домохозяйство и дополнительного ежегодного подушного налога, которые они, вероятно, не хотели платить.

Цзян Мяо очень повезло, и он не ошибся. Как только он сказал это, Цзян Лао Сань свирепо посмотрел на свою жену. Это все ее вина в том, что она была недальновидной, настаивая на том, чтобы его регистрация в домовой книге оставалась там, чтобы экономить значительную сумму денег каждый год. Между тем, люди там, помня, что Сяо Шитоу действительно родственник, каждый год платили дополнительный подушный налог.

Облегчение, которое они когда-то испытывали, теперь сменилось сожалением. Если этот сорванец Саньшуй сообщит о них, у них будут серьезные проблемы!

- Ты... ты говоришь ерунду! Какой похититель? Он называет нас мамой и папой, и вся деревня это знает. Глава клана может засвидетельствовать, что Юцай был усыновлен нами! - жена Цзян Лао Саня, теперь напуганная упоминанием об отсечении головы и конфискации

имущества, попыталась использовать главу клана в качестве щита.

- Чиновникам нужны доказательства, а не слова. Можете ли вы предоставить какие-либо документы? - Цзян Мяо начал новый раунд прощупывания. Если есть какие-либо документы со свидетельством главы клана, это может быть проблематично. Но если их нет, все будет намного проще!

<http://bllate.org/book/17917/1716264>